

КЛУБ

ВЫХОДНОГО ДНЯ

Виталия Венгера-артиста знают все, ну, по крайней мере многие: он почти сорок лет на иркутской сцене. А вот Виталия Константиновича Венгера, общественного деятеля, писателя, художника, эстрадного артиста, уверена, знают немногие. И вот с этой частью его биографии мы и хотели вас познакомить. Встреча наша была три дня назад. В Доме актера, в музыкальной гостиной. Раскрытые ноты на инструменте, на стенах — работы театральных художников, несколько макетов оформления новых спектаклей. Театр, театр вокруг...

— Виталий Константинович, как вы относитесь к юбилею? На юбилейной афише цифры 40 и 60...

— Похож я на юбиляра?

— Нет-нет. Во всяком случае, цифры эти не про вас. (Венгер смеется, довольный эффектом, который производит на окружающих: он поджарый, подвижный, деятельный. Если вы видели его в роли Тарелкина, согласитесь, он молод и душой и телом).

— Юбилей — что? Речи, гости, самосозерцание. А я вчера утром вернулся из Новокузнецка (разговор наш шел в четверг), вечером играл в «Царе Федоре». Сегодня — телевидение, интервью с вами, вечером встреча с врачами. В субботу — Тарелкин, воскресенье — на подготовку к творческому отчету. А это, знаете ли, посложнее любого спектакля. Ведь придут не просто зрители, а Зрители. Понимаете?

— А вас не утомляет такой темп? Я знаю, в нынешнем репертуаре у вас шесть ролей — и каких! — Тарелкин, Годунов, Баохин в «Вороньей роще», Лоренцо в «Ромео и Джульетте»,

● Встреча

для вас

ВСЁ-В КОПИЛКУ!

жена Журдена, большая роль в «Вечере»... А всего сколько ролей сыграно, считали?

— Не считал, но думаю, более двухсот наберется. А темп... Он не только не утомляет, наоборот, бодрит. Это не для красного словца. Я уже заметил, если выпадает день, когда можно подольше поспать, погулять, понежиться, назавтра я прихожу на работу размагниченный и надо прилагать усилия, чтобы вписать себя в общий ритм. Да... Ну что вы хотите — все же 40 и 60... (Снова смеется, довольный). А зачем растрчивать силы на перепады ритма? Надо, как в аэробике. Кстати, каждое утро начинаю с аэробики, собственной, конечно. Но это все шутки. А серьезно — в жизни так много интересного, а сейчас особенно, надо за всем поспеть. А потому и поспешать. Хотя это, по-видимому, свойство моего характера — Фигаро здесь, Фигаро там — в самом серьезном смысле, воспитанном отцом. А для актера смена обстановки, смена занятий, эмоциональные перепады, знакомство с новыми людьми — это и тренинг, и познание жизни, и расширение кругозора, и воспитание чувств, и формирование социальной позиции.

— Ну, про Фигаро — это вы неосторожно, тут ассоциации могут быть не совсем положительными. А я знаю, вы еще и пишете, и совсем неплохо. Во всяком случае, книга ваша «Судьба моя, театр» разошлась быстро. Свидетельствую — читается хорошо. Что это вы взялись за перо, не от нечего же делать?

— Да нет... Наверное, от одиночества и оторванности от своей родной почвы. Вы же знаете, два года я был в Москве. И хоть московский темп жизни не сравнить с нашим — вот где тренаж души и тела! — тоска по родине, а для меня, москвича по рождению, Иркутск — моя духовная родина, засадила за письменный стол. Итог — книга.

— И сейчас пишете?

— Пишу, знаете ли. Что это будет — новая книга или продолжение первой, не знаю. Уже есть главы о Екатерине Барановой, о друге моем Виталии Егунове. Еще наброски разные. Хочу написать о нашем театральном училище, об Александре Даниловне Коноваловой, о молодых актерах, Двинских, например...

— Но вы еще и рисуете.

— Балуясь и этим. На отчетном вечере будет выставка шаржей. Как-то задумали с Марком Сергеевым книгу «Наши знакомые, друзья и соседи». Его эскизы, мои рисунки. Пока не получается — не можем время состыковать. А вообще я придерживаюсь метода Миши Казакова, артиста. Так он говорил: настоящий художник не должен скучать — надо всегда находить поле для творчества. Люблю выступать с эстрады, люблю встречи со зрителями, как говорится, один на один. До чего у нас любопытные, по-хорошему любопытные, думающие люди. Какие разговоры бывают! А ведь все это — в копилку, в копилку. Там мыслью подпитываешься, там тип интересный подсмотришь, там манеру поведения. Так что мой Фигаро — это не мелькание, это система ценностей, или уж совсем громко — жизневедение.

— Читаете?

— Читаю... Вот сейчас много о Годунове. На «Детей Арбата» в очереди стою. А в основном читаю во время поездок и на гастролях.

— Ну, это — тоже в копилку. А вот руководство Иркутским отделением сначала ВТО, а теперь Союза театральных деятелей? Кстати, давно ведь уже. А художественное руководство театром? Это — куда? Знаю еще, что вы и член правления

СТД РСФСР, член правления Иркутского отделения ССОД и отделения Советского фонда культуры... Мешает, наверное, все это?

— Вы знаете, нет. Если хотите, это своего рода допинг, этакая подпитка, сознание — значит, нужен, значит, могу. Значит, 40 и 60 — побочку! (Опять смеется, довольный). В правлении ВТО я давно, с 1964 г. Был перерыв несколько лет, с 1980 — председатель СТД. Знаю, далеко не все получается — коллеги лучше об этом снажут. Много проблем — театральная реформа, подготовка к переходу на эксперимент, аттестация и перевыборы артистов, квартиры, конфликты... В театре сейчас, ох, как сложно. Знаете по прессе, у нас, в периферийных театрах, еще сложнее, чем в Москве, Ленинграде. Но все это для меня — широкое общение, здесь, у нас, в Москве, в поездках по стране, все это — грани жизни, не своей только, не своей сцены и за сценой только. Все это — опять же в копилку.

— Ну вот, какую важную, на ваш взгляд, проблему удалось решить в последнее время?

— Какую? А вот — не будем в нашем театре ставить новогодние сказки, а в театрах вообще проводить «келки». Не улыбайтесь — это очень важно. У нас со сцены уйдут ремесленничество, поделки. А из театров — конфетно-подарочный балаган. Театр кукол теперь всерьез займется малышами, ТЮЗ, я думаю, — репертуаром для подростков. А мы решили в новом сезоне поставить спектакль из школьной программы, но по-возрослому.

— Кто это, мы? Вы, художественный руководитель театра, и директор?

— Нет, мы — это художественный совет. У нас с сентября нет «главного» режиссера, а выборный художественный совет. Выбранный на самых честных демократических началах. Тайно, по большому числу голосов. И чего раньше боялись?

— Но художественный совет спектакли ставить не будет...

— Нет, конечно. Приглашаем режиссеров. Первый опыт с Я. С. Цициновским на «Царя Федора» оправдал себя. А. С. Юнников сейчас восстанавливает «Дорогую Елену Сергеевну». Осенью Вячеслава Кокорин поставит «Человека из Ламанчи». А там, может быть, Цициновский — «Короля Лира». С Табачниковым говорили о Достоевском. Глядишь, и до Чехова доберемся... И уберем из репертуара то, что наработали в последние годы, — пьесы, уже пережившие свое время, обветшалые спектакли, спектакли, в которых актеры давно сместились на потребу недумающему зрителю, — «А поутру они проснулись», «Звезды на утреннем небе», «Полоумный Журден»... Да, и «Журден» — оставьте госпожу Бежар на моей совести. Мы решили для себя, мы — это опять же совет театра, нам нужна классика и местные авторы. Вот бы всего Вампилова в репертуар... Эко, скажете, размечтался!

— Но и это — в копилку?

— А как же! Это-то и главное. Уверенность, что хорошее дело делаем. «Царь Федор» окрылил в каком-то смысле. Есть, есть порох в пороховницах у коллектива. Можем не только ругаться. Можем мечтать. А если человек, а тем более коллектив мечтает, значит, у него есть здоровые силы. А мой театр — это моя судьба. Вот почему меня не смущают цифры на афише.

Беседу вела Б. ПРЕЛОВСКАЯ.
НА СНИМКЕ: народный артист РСФСР Виталий Венгер.
Фото А. КНЯЗЕВА.